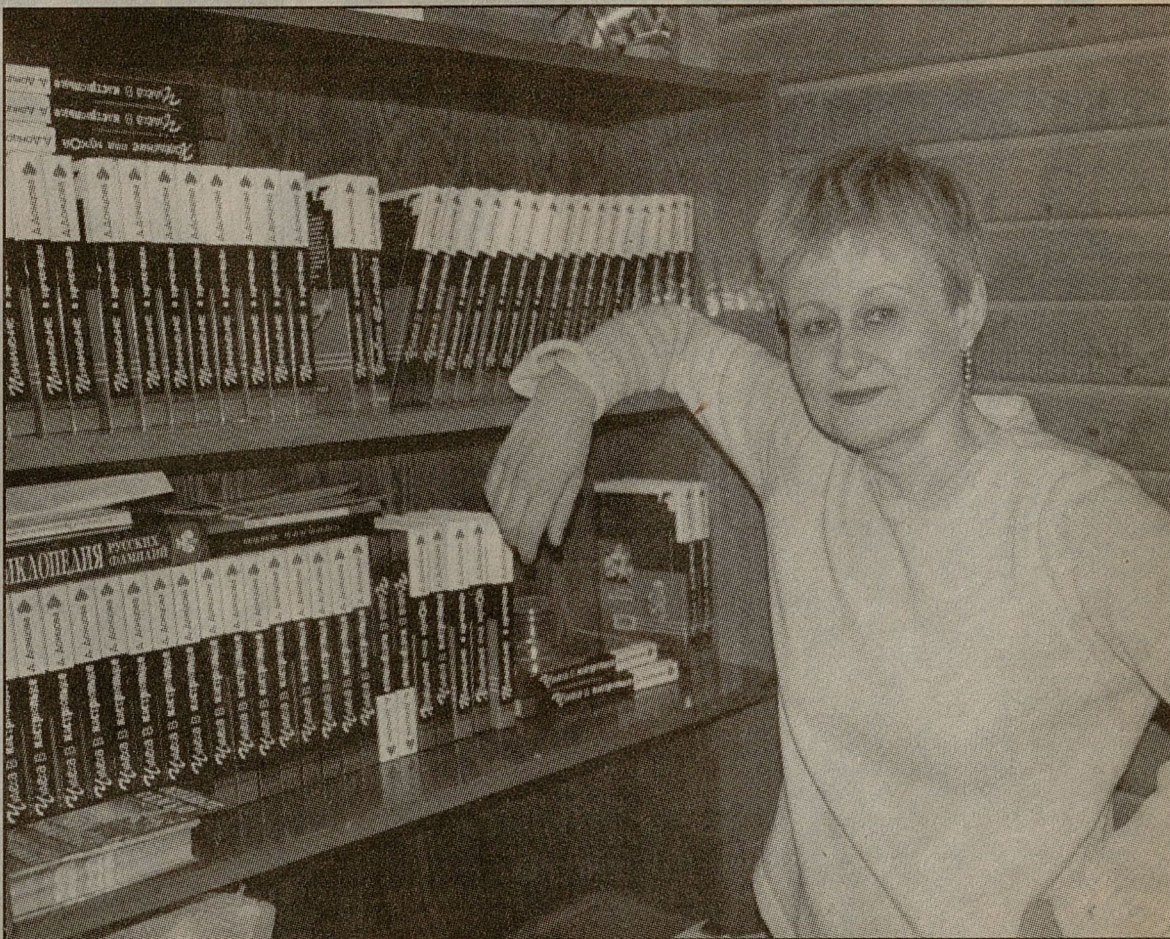

ДОНЦОВА – ЭТО СТАРЫЙ,

Дарья Донцова встречается нас в смешных тренировочных штанах и обычных стоптанных шлепанцах. «Как, еще и сниматься будем?! Никогда вам этого не прощу!» – укоризненно смотрит она на меня, напяливая джинсы. «Это еще морду красить...» – сосредоточенно ворчит, доставая косметичку. «Мам, там картошка убежала!» – раздается откуда-то. «Ой, поймай ее, пожалуйста!» Где-то в глубине дачи слышен странный грохот. «О, Никитос упал», – буднично замечает Даша и продолжает невозмутимо наводить марафет. Минут через пять в дверях появляется пузатое чудо в кепке от «Пако Рабано». Чудо зовут Никитой, это внук Дашы. Жутко ревнивый тип полутора лет, который обожает фотографироваться с бабушкой и диктаторски кричит «Нет!», если в кадр хочет попасть еще кто-то из родственников. На поведение Никиты реагирует только младшая дочь Дарьи – Маша. Для тех, кто читал детективы с главной героиней Дашей, сразу оговоримся: можете не переживать – семья писательницы – точная копия шумных жителей Ложкино.

Тридцать девять – на полке, сороковая – в рукописи.

– Машка даже на меня обижается – чего, ты, говорит, там понаписала про меня?! Теперь вся страна знает, что я в кровати чипсы ем! А как-то ехали на дачу, вещи перевозили. И Мама как всегда прихватила с собой эту ужасную пальму. Каждое лето я надеюсь, что она про нее забудет, и каждое лето она упорно тащит ее с собой. Как мы ехали с этим чудовищем в горшке, уму непостижимо. Нас заносит, мы падаем, грязь из кадушки сыпется на сидения. Шофер в гневе. Когда вылезали из автомобиля, Маша зло буркнула: «И попробуй мне только напиши об этом – убью!»

От бабушки Никиту отдирали совместными усилиями. Потом пришел черед фотографироваться с невесткой – Наташей (Зайчик – это про нее). Дарья придирчиво оглядела невестку: «Ты сними этот собачий тулупчик-то!». «А чего мне, в норковый переодеться?» И напишут потом, что невестка Донцовой по участку в норковой шубке рассказывает. «Ладно, пойдемте снимать, как живут бедные российские писатели!» – вздыхает Дарья Донцова, крася губы. – А еще эта стилистка вчера в журнале испортила мне помаду!»

По дороге Даша рассказывает, как обычно снимается для изданий и каналов:

– Вообще говоря, самые дикие в мире люди – это фотографы, стилисты и телевизионщики. О первых я вообще молчу. Приехал, помню, как-то один из «Огонька». Долго искал нужный ракурс. Чего он придумал в результате, страшно пересказывать. Усадил меня, значит, на подоконнике второго этажа. В одну руку поместили мне полугодовалого Никитоса, в другую мопса Мулю, которая весит минимум килограмм 15. При этом я должна была принять расслабленную позу, улыбаться в объектив («Даша, почему нет блеска в глазах?!») и кокетливо так покачивать левой туфелькой. Нормально, а? Какой туфелькой, я головой качнуть боялась!

Стилисты люди в принципе ненормальные. Снималась вчера для одного журнала. А я же знаю, что дай им волю, и тебя часов восемь будут гримировать. Я и придумала – мне через три часа на самолет. Он посмотрел на меня так озадаченно: «А я обычно по шесть часов снимаю» (фух, думаю, правильно придумала). А телевизионщики... Вчера были с ТВ-6. Все тут поели, что только можно! Никитос никак не хотел сниматься и плакал при виде Марианны Максимовской.

Заинтересованно выслушав возмущенные стенания Дашы, наш фотограф как-то сосредоточенно начал ходить по даче. «О, и этот сейчас замучает», – смиренно произнесла она. В результате решили начать с кухонной темы. Даша грациозно склонилась над кастрюльками. «Мы вообще когда картошку варим, солим ее обычно раза по три. Каждый пройдет – посолит. Наташ, ты солила уже?» – «Нет». – «Очень удачно, значит, в этот раз только мы с Макой. А это у нас что? А, это Наташка что-то приготовила. Ну-ка попробуем...» – Даша зачерпывает суп половником. «Да-а, честно говоря не очень. Нет, вообще моя невестка классно готовит, просто в порыве вдохновения...» – остатки с половника Даша скормливает мопсам: «Главное, чтобы Наташка не увидела».

– А вы любите готовить?

Даша смотрит на меня почти умоляюще:

– Вы встречали женщину, которая любит? Я – нет. Хотя... Для хорошего репортажа могу сказать, что обожаю. Вы кушайте-кушайте. У нас се-

годня торт какого-то ядовито-салатового цвета. Просто ТВ-6 вчера все пожрало, а в суп я по ошибке положила сахар.

– Значит, рассеянность в героях детективов – это от вас?

– Еще как. В романах я соображаю, а как в реальность попадаю – все, каюк, полная дезориентация!

– А в принципе готовить умеете?

– Еще бы она не умела! – замечает муж Дарьи, приехавший из командировки в Финляндию. Даше он привез картину, Никите – самую большую машинку, какую нашел, а Маша просила игрушку мумий тролля (это герой такой сказочный, а не Илья Лагутенко). Папа решил не мелочиться и купил сразу целое семейство – штук десять. «Можно было и холостого приобрести», – философски заметила Даша.

– Недавно приезжал знакомый,

говорит, в Австралии снег выпал. Кстати, Ника, ваши белые брючки уже того – Черри их испачкала окончательно. Так вот. Я так думаю, это исключительно потому, что наши наконец выиграла в футбол.

– Смотрите матчи?

– Да вы что! Вот накануне ездили по делам, и шофер из-за этого игру не смог посмотреть с Тунисом. Так ныл всю дорогу и назвал меня безжалостной рабовладельцей.

Этот домик Даша и ее семья снимают временно – пока за городом не будет построен настоящий особняк. «Не такой, конечно, как Ложкино», – говорит Дарья Донцова. – Но свой, по крайней мере. Правда, лучше пока говорить о нем не буду. А то вот делали ремонт на городской квартире, делали, по знакомым жили. Только закончили... А что может быть хуже ремонта?

– Пожар?

– Точно! – Даша радостно щелкает пальцами. – Так и есть! Сидю на даче в совершенно расслабленном состоянии. Звонят мне, говорят: горит квартира сверху. Вот так. Опять придется, наверное, чинить. Я даже туда не поехала – раз она уже горит, чего делать? Сначала у меня, правда, сломалась только что подключенная газовая плита. Раз пять таким образом в книгах убивала героев, и надо же было этому случиться со мной! Поставила кастрюлю, и что спасло от травмы – боком повернулась. Стою такая задумчивая. И вдруг эта кастрюля на моих глазах взлетает и врезается в стену. По стене сползает вместе с собачьей кашей. Безумный вой собак, которые понимают, что их еда накрылась медным тазом...

А дом этот дачный – вообще чудо строительства. Заявлен был как пятикомнатный с биде. Комнат тут,

Александр Иванович всей семье прививает вкус к живописи.

– Это наши мопсики: слева – Ада, справа – Муся. Или наоборот?.. Я их сама иногда путаю.

ЛЫСЫЙ, ТОЛСТЫЙ ДЯДЬКА

конечно, пять. Только половина без дверей и смежные. Самую большую вытребовала Наташка, потому что Никитос в шесть утра так начинает орать, что разбудит весь дом. А биде... Покажу я вам это биде. На него с лестницей забираться надо.

– А вообще вам больше нравится жить за городом?

– Да, конечно. Когда дострою себе дом, уеду. Здесь замечательный воздух, здесь безумно нравится моим собакам, которые совершенно ошалели от природы и первое время носились по участку, распутив хвосты. На всякий случай каждые две минуты писали – вдруг кончится эта лафа, и их загонят на месяц домой.

Собак у Даши три. Два мопса – Ада и Муля – и черный пудель Черри. Ему 16, он глухой и полуслепой, а потому «совершенно безумный». Мопсы обожают позировать перед камерой и сидеть на кресле-качалке.

– Да нет, конечно, за городом лучше. Когда пишу, особенно. Мне же не надо, как раньше, в «Вечерней Москве», каждый день ездить на работу к восьми утра. Мы начинали тогда летучку без пятнадцати восемь. Эти 15 минут были для меня безумно принципиальны. Школа у ребенка открывалась в восемь, надо было привести его во двор и срочно мчаться в редакцию. И я постоянно опаздывала минут на двадцать. Без пятнадцати восемь у дверей с хронометром стоял председатель профкома. Взлетаю взмыленная. Он: «Васильева (настоящая фамилия Дарьи Донцовой – Н.Д.), ты каждый день опаздываешь на 20 минут». Бездна было объяснять, что не могу я ребенка оставить одного в темном дворе зимой.

– Сейчас только и делаете, что пишете?

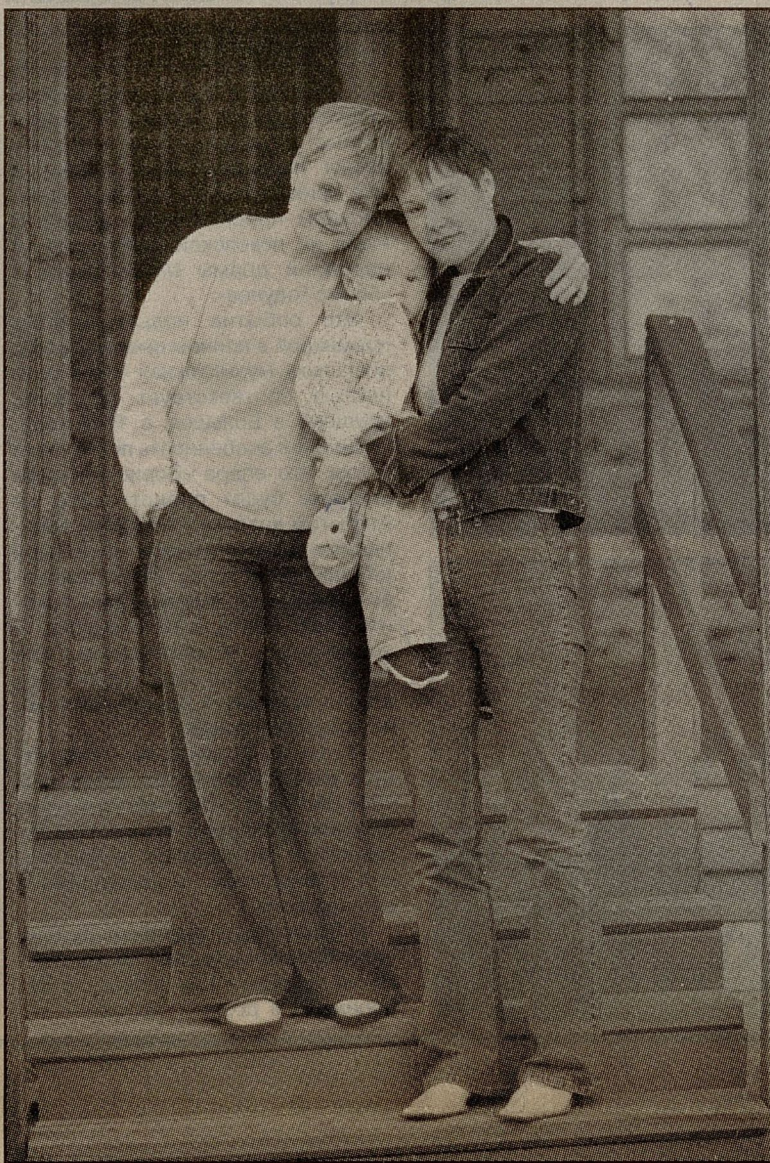
– Да. Встаю в шесть утра, правда, в два уже начинаю стихийно засыпать, но потом ничего. Пишу часов до четырех – выполняю норму и останавливаюсь, а то могу весь день, всю ночь писать.

– Какая норма?

– Девятнадцать страниц А4. От руки – у меня почерк совпадает с компьютером. Читать, правда, сложно. Наборщицы из «ЭКСМО» всегда слезами обливаются при виде моих рукописей. Первое время были очень смешные опечатки – «страшно» вместо «странно». Сейчас уже привыкли к почерку.

– Чем-нибудь помимо писательской деятельности занимаетесь?

– Сейчас два раза в месяц веду передачу на радио – с гостями сту-

Даша, Никита, Наташа.

дии и рейтингами. Так смешно, когда в голове звучат два голоса одновременно – студии и твоей. Но привыкла. Статьи иногда пишу. А так – книжки. В сентябре, например, пойдет новая серия – с героем мужчиной. Еще полностью готова кулинарная книжка с рабочим названием «Кулинарная книга лентяйки». Там настоящие рецепты – мои и собранные от подруг. Когда вышла первая книга «Маникюр для покойника», издательство завалили письмами с просьбой написать еще рецепты. Вот и решили выпустить сборник – там больше 30 минут ни одно блюдо не готовится.

– Выходит ваша 30-я, юбилейная книжка. Как ощущения?

– Странные. Сначала ужаснулась: так много. А потом подумала – ведь

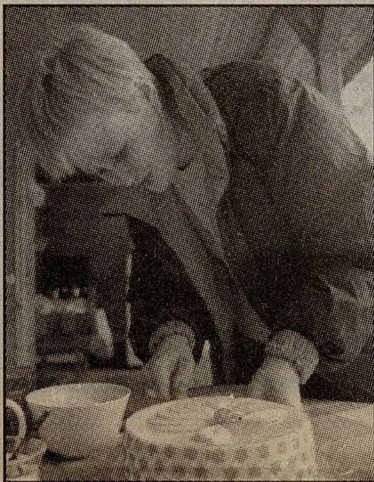
была же писательница Барбара Карлсенд, она выпустила больше 700 или 800 книг. А почему бы, думаю, мне ее не переписать? Написано-то уже 39, сороковую на днях дописала. Если Муля и Ада не сожрут бумаги, будет закончена.

– Не обвиняли в том, что один человек не может так много писать?

– Постоянно. Говорят, что за меня пишут какие-то три мужика из Воронежа. Оскорбилась так! Потом газета «Известия» напечатала, что Донцовой на самом деле нет, а есть старый, лысый и толстый дядька, который пишет романы, публикуя на обложке фотографию своей жены. На что очень возмутился мой муж: «Ну ладно, старый, ну толстый, ну не лысый же!». А тоже было еще в начале

– Вы встречали женщину, которая любит готовить? Я – нет.

– А торт у нас сегодня – ядовито-салатовый...

– пришли два журналиста и начали меня же убеждать, что столько писать невозможно, что это не я. Я показываю: вот мои рукописи. Все написано одной ручкой и одной рукой. Так что вы думаете они заявили? «Вам приносят, а вы переписываете от руки». Вот так.

– Когда начали получать гонорары, образ жизни, интересы изменились?

– Нет, практически ничего. Что могло измениться? Ту стадию, когда человек бегает по бутикам и покупает неудобную одежду только потому, что там торчит ярлычок «Кензо», я прошла очень давно. Я же всегда была хорошо обеспечена. Папа-писатель, муж, слава Богу, декан факультета психологии.

– А в содержании романов что-

нибудь изменилось после того, как вы разбогатели?

– Да нет. И потом, деньги могут испортить человека, если у него до этого их не было. У меня они были всегда. У меня был очень обеспеченный папа, который году в 1964-м давал мне на школу 100 рублей, в то время как по стране нормальная зарплата была 60-70. Он просто не понимал этого. Состоял в Союзе писателей, платили ему большие деньги, меня в школу возили на машине, носили за мной портфель. Поэтому всех ужасов советских людей я не испытала. Это потом, когда в 72-м папа умер, я поняла, что такое бедность – когда из зимних сапог тут же переходишь в парусиновые тапочки, а промежуточной обуви нет. Так я прожила достаточно долго, а потом вышла замуж за Александра Ивановича и финансовые проблемы отпали разом.

– Никогда не было конфликтов с писательницами?

– Нет. Году в 99-м стою я на книжной ярмарке с единственной своей выпущенной книжкой на стенде «ЭКСМО», а справа от меня бесится толпа, ломится к Марине Анатольевне Марининой. Вокруг нее – пачки книг, которые она подписывает. У меня – крошечная стопочка, потому что издательство понимает, что больше десяти человек ко мне все равно не подойдет. Я сижу расстроенная. И тут ко мне поворачивается с раскрасневшимся лицом Марина Анатольевна. Моментально просекает ситуацию, быстро смотрит на обложку моей книги и радостно произносит: «Ах, Дашенька, мне так понравилась ваша книга!» Естественно, она ее не читала. Но вся толпа тут же потекла ко мне. У меня очень хорошие отношения с Таней Поляковой, я знакома на уровне приветствия с Борисом Акуниным и Владимиром Сорокиным.

– А конкуренция?

– Да какая может быть конкуренция? Когда одну книжку читают максимум два-три дня, писать может кто угодно.

– Зависть?

– Я никому не завидую. Мне – может быть, но для меня это не имеет значения.

– Никогда не думали писать не детективы, а что-нибудь другое, любовные романы, к примеру?

– Меня просто крочит, когда я читаю фразы типа «Он подошел к ней, сгорая от страсти, а она затряслась в экстазе».

Встречалась

Ника ДРАБКИНА

Фотографии Игоря ИВАНДИКОВА

Хорошо, когда ГАИ знает тебя в лицо.

Надо объяснять, кто в этом доме главный?